

Tru aga

*Quorrennas neta
gal submpuridano unanimo*

*6
M
C
K*

*U
C
V
S
K*

7.327724753

*u hom nenepu -
hesamul*

18+

Владислав Эдуардович Черенков

Три ада

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64154461

SelfPub; 2021

Аннотация

Это – ода компромиссу. Тому, что я бессознательно избегаю и более чем сознательно использую. Это – то, чем живу я и, как показывает реальность, живет нынешнее общество. Это – компромисс между мной прошлым и нынешним, компромисс в выборе формы, компромисс между искренностью и внутренней цензурой; компромисс между прошлой и настоящей эпохой. Это – о компромиссе между тремя мирами и о том, к чему он приводит – к небытию. Напоминаю. Литература умерла и призывает к воскрешению. «Три ада» – это акция спасения.

Содержание

РУПОР	5
В ТЕМНОТЕ НОЧЕЙ	10
СОЛИПСИСТ	14
МЕТРОПОЛИС	17
УЛИЧНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ	20
УЛИЦА СКОЛЬЗИЛА	22
ФИЛИАЛ АДА	25
ДРУГАЯ МАТЕРИЯ	29
ШЁПОТ ГРОМЧЕ КРИКА	31
УБЕЙ МЕНЯ ХОТЬ СКОЛЬКО	34
МЕТАМОДЕРНИЗМ	37
РИСОВАЛ ТВОИ КОНТУРЫ САЖЕЙ НА СТЕНАХ	39
НАД ГОРОДОМ ВСЕМИРНЫМ	41
ПАРУ ТАЙН ОТКРЫВАЮ	43
КОНТРАСТ НА ТЕЛЕ	45
УЗНИК	47
ТРЕЩИНА	49
ТРИ АДА	52

Владислав Черенков

Три ада

Оконченная пьеса для электрического пианино

РУПОР

Я жестокий,
        будто Коба,
                                я закован

в океан,
но бурей

        было
                        всегда
                                мало.

Мой смычковый опиат:
снег комом —

        бриллиант
превратился в фельетона
                                фолиант,
        правда – так!

Полутóны камертона
прозвучат в моих полутонáх.

Часов я спал —
                        полутора,

но проснуться мне
к

        у т р у
                        пора,

чтобы

д н ё м

вам доказать,

что

в е ч е р о м

хоть что-то стою я.

А

н о ч ь ю

поставят статую,

где стою я

на троне —

семнадцатилетний.

Хвалю себя —

как самоопыление.

Я хочу докричаться —

в р у п о р,

свои мысли заселять вам,

как р у п о р,

но походу мне свяжут

р у к и.

Мысли —

пейзажи,

но смыслы —

как
пятиэтажки,

давит
тяжесть

в двести
двадцать
тон;

я

в них

заточён,

я

в них

звездочёт;

я заточен звёздами —

не в р у я.

Когда черчу буквы,

мои руки воздушные,

как тревога.

Курю Черчилля,

пью Честера,

переплюну Бродского.

Когда-то хотел

я лишь только покушать,

я теперь

голоден до

черепушек —

это инфляция счастья сушит.

пейзажи,

НО СМЫСЛЫ —

как
ПЯТИЭТАЖКИ,

ДАВИТ
ТЯЖЕСТЬ

В ДВЕСТИ
ДВАДЦАТЬ
ТОН;

Я

В НИХ

ЗАТОЧЁН,

Я

В НИХ

ЗВЕЗДОЧЁТ;

Я ЗАТОЧЕН ЗВЁЗДАМИ —

НЕ В Р У Я.

Я ХОЧУ ДОКРИЧАТЬСЯ В РУПОР.

В ТЕМНОТЕ НОЧЕЙ

– Здравсте,

простите,

позвольте

взять вашу дочь и в амфоре вынести

из траура владычества.

Вы только взгляните,

как же Влад тычется

взором

в прекрасную даму.

Поверьте мне на слово,

как в

государственные займы, —

вот – возьмите сладких апельсинов:

я любил немногих. Однако – сильно.

Да, поверьте в моей грудной области

желание блага и доблести

в эпоху биения сердца и

трепета восторженных речей...

– ...ну хватит.

В голове у владыки маячит

дочуркин брак на сыне Благодетеля.

Немой кивок.

– Спасибо за доверие.

– Привет,
ты помнишь,
как пахнет сырой резедой горизонт?

Собирайся пойдём.

За окном не сезон – неси зонт,
нас опять унесёт простор в полусон:
свой огонь тебе

посвятил,
чтобы не заблудилась —
посветил.

Мы любим истории про
чёрный дом,
один за другим – рассказ
очередной.

В темноте

ночей
зимой
страшные истории
нам говорили

люди:
как чёрная-чёрная

ночь
меня с тобой погубит.

Но мы спасли друг друга
от страшного

мира.

Будет о тебе последняя

МОЯ МОЛИТВА;

печальные глаза

простят всё то,

чего прощать нельзя.

Нам достаточно минуты,

чтобы вспомнить всё;

всегда со мною голос твой,

мы потерялись среди звёзд.

Я хочу побыть

в соседстве

сердца твоего;

наша смелость

поборола

серость одного.

Я беспечный друг

твоих усталых рук,

в твоих тонких пальцах видел жизнь;

мы сокрушим

все страшные рассказы,

мы спасём друг друга

и об этом миру мы не скажем.

Теперь прости,

откланяюсь.

Вернул тебя обратно в замок я

в точности по времени

и в вечности момента

ускользаю.

СОЛИПСИСТ

В зале стиснув

сердце

проводом,

солипсистом чувствую себя —

и вдруг:

пропало сердце с проводом

без повода;

и вдруг:

надвое порушилась земля,

как опричнина, —

обиженки попали под страты вен,

я держу солнце, будто стратосфера.

Да, я к миру приспособлен,

хотя не был приспособленцем.

Я не коммунист,

но дедушка нам показал пример,

как надо делать революцию —

я сделаю её культурной,

но не нужны ликбезы,

они делают тебя безликим.

Новые перо и кисть

делят мир напополам:

за победу «нового»

я поджигаю пламя прямиком из Рима;

целью в «старое»:

окурок сжимаю,

на курок нажимаю незримый.

Смотрю в зеркало и говорю: «И ты Брут», —
не знаю кто тут —

но даже он пропал.

В зале стиснув

сердце

проводом,

солипсистом чувствую себя —

и вдруг:

пропало сердце с проводом

без повода;

и вдруг:

надвое порушилась земля,

как опричнина, —

обиженки попали под страты вен,

я держу солнце, будто стратосфера.

Да, меня мучает

цейтнот,

но меня спасает

цвет нот;

я начинаю кричать,
как Слипкнот,
пробуждает меня
лишь свет тот,
который
доносится
из дивного города
и молнией пронзает агаты;
вспышками строится
дивная копия —
листья летают помятые.

МЕТРОПОЛИС

Посеяв разум великих,
закопав его в пашне
во славу вавилонской башне;
записки героев дойдут до потомков,
тогда на улицу
выскользнут
топотом,
то потом
будет потоп.

И народ
побежал, ему так сказали в ушах.
Окончательно будет забыта любовь.
Окончательно будет забыта свобода.
Где я?

Я с ними бежал.

Где я?

Уже вижу кинжал.

Где я?

Они копают могилы себе —
им так сказали в ушах.

И перед очами Благодетеля

вся людская сеть
двух миров, живущих вместе,

но один следит и наблюдает,
как другой пыхтит и погибает.
Когда в носу свербит
безусый тип,
а там в сети
звучит политэлита;
сзади сателлиты
– деловито свиты,
обвивает свита сбитых.

«Вас ожидает

десять казней египетских —

таков наш шаг экзотерический.

Жизни нет за пределами Метрополиса;

назад полезай, а то планета отколется».

Кручу я у виска:

хочу заставить их

в троянский конь идти,

но рубаха для смирений

для них стала поводка родней.

Производители пластмассового мира

к стене прибивают ковёр-самолёт;

над городом сМерЧ 17 жизней

по эфиру

показательно

унёс.

Когда город пытается выжать,
пожалуйста,
пытайся выжить,
иначе
окончательно будет забыта любовь.
Окончательно будет забыта свобода.

УЛИЧНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ

Просыпаюсь поздно
и со включенным лицом,
когда уже выходит
абсолютно большинство,
гуляю по заброшенным
выселкам,
продувая на макушке
залысину,
с книжками
под мышкой —
от тяжести отдышка,
мои ветренные руки,
как ледышки.
Моё пальтишко всё:
в дырах и пятнах,
дырах и пятнах,
дырах и пятнах,
Здесь
находясь,
я понял,
что
сердцем и мыслями я – человек.

Я познакомился с первой толпой,
и мне захотелось
вызвать рефлекс.

И вот —
над площадью громады
посылаю голосом разряды
с возвышенья выше свечек —
сразу погрузилось вече.

И
крики: «Тише едешь – дальше будешь», —
овации и смех,

рупор и софиты,
пиджаки группами забились,
вспомнились трупы забытые.
Улица полна свидетелей:
в лицах взгляд тысячелетия.

И каждый лоб
заприметил
стремительный взгляд Благодетеля.

УЛИЦА СКОЛЬЗИЛА

Улица скользила под ногами,

я
повторяю свой алгоритм,
повторяю свой алкотрип,
забиваю я пустоты живота,
прогоняю все эти бутылки
к себе в рот живо.

Там

распознаю звон стекла

хоть из затылка.

И я заготовил свой язык,
потом глоток,
потом глоток,
ещё глоток.

И снова

улица скользит под ногами.

Я на дне океана этила

изучаю себя самого.

И сейчас, пока я явствую,

радуюсь

своею статуе
над городом

и ратую

за каждого,
то стоял тогда

опорой
и

заприметил взор его.

Я снова оказался возле какой-то барной стойки:
нашёл там стопку,
ещё нашёл стопку,
ещё нашёл стопку,
ещё нашёл стопку.

Упал стакан,
который взял я просто так в руки.

Я стою, как истукан,
на эстакаде звуков.

В моё лицо летит кулак.
И после этого удара —

у

л

и

ц

а

поскользнулась под ногами.

И разбитый в пух и прах

ускользнул я впопыхах

в колодце улиц,

где колются прохожие

и косятся идущие.

ФИЛИАЛ АДА

Ищут патрули, мигалки —
набор глухих согласных;
гонится полиция мыслей,
как можно глубже зарылась.
Полицмейстеры заводятся,

как медная блоха,

в Центр «Э»

проникла моя правая рука.

Чекисты,

у вас за душой ни гроша,

я прошу

не мешать

моему вещанию,

говорил всю суть

за вещами,

продолжу делать это в завещании;

чаще использую

транквилизаторы,

часто хочу

уйти тихо за борт я.

Если останусь жить только в памяти,

то сохрани мою речь навсегда,

пронеси её сквозь города

через обыски,
ссылки,
аресты,
через кровь,
запреты
и манифесты —
ты не дашь умереть всем моих текстам.

Филиал ада —
филигранно
достигал ада,
примыкал к аду,
тараканов
закидал
каскадом;
полностью выполнил
ритуал ада
(идеал правды).

Новый порядок веков:

меня сюда завлѣк —

Комитет трѣхсот?

Бильдербергский клуб?

Я из глубин сибирских руд,

что я делаю у вас тут?

Череп и кости

в меня
взрастут;
зачем

меня

позвали в

золотой миллиард?

Я не нефтяной магнат,
у меня есть только фолиант

и только мой Экклезиаст.

– Здравствуйте:

Вейсгаупты,

Морганы,

Ротшильды,

Оппенгеймеры,

Уолтоны —

вас так много,

мне так страшно,

однако вас так мало,

мне нужно

остограмниться.

Ваши рычаги касаются

Америки,

касаются

Европы,

Океании

и Африки.

Мне казалось:

ВЫ МОГЛИ

всё тело мира
поделить пополам,

как опричнину.

– Да.

– Прямо сейчас: страхи имеют меня;
власть неограниченна?

– Да.

– Но тогда зачем я вам?

Тогда зачем я вам?

Зачем я вам,

если власть не ограничена?

ДРУГАЯ МАТЕРИЯ

Пыль по гортани,
я снова по грани

хожу,

добирая тот гранёный стакан,

как по пьяни,

а взгляд —

к стене с прикреплённой гитарой —

упал,

не готов и поднять

своё тело и взгляд.

Переселят

меня в другую материю?

Лауреат я

всесильной империи?

Вооружат меня

их артиллерией?

Заголосят все

в старой артерии!

И всё же:

меня сильно тараканит

в моих недрах барокамер,

но когда я стал политгонимым,

это ли не шанс согнать их?

Скрипка-лиса и немного нервный
скрип колеса повторялись в голове:
потеребят

и забудут наверное?

Или утратят

желание ереси,

витиевато,

но не злонамеренно,

искоренят

меня герцоги.

Искры взрываются

сотнями герцами —

переселят

меня в другую материю?

ШЁПОТ ГРОМЧЕ КРИКА

Я пытаюсь

собрать

воедино

всю картину

прожитых

СНОВ:

в моей

голове,

как калейдоскоп,

элементы

соберутся

валиться.

И как же

милее мне

Общество тайное,

когда призывают

сместить

деспота-Каина;

и вот о глаза

перестал

спотыкаться я,

а народ сразу

забудет

О СВЯТОТАТСТВЕ.

Хочется
ресницами
покрыться,
докричаться
через ветер,
не забыв
людскую сеть,

для Благодетеля оцепенеть.

Не отпустить все мысли в метр моря —
тянет тяжким грузом;
хочу закрыться,
чтобы в шторме не сгореть,
хочу не стать в своих я мыслях трусом,
чтобы скомканным не умереть.

И упав
на колени,
я слышал
их шёпот,
что громче,
чем крик.
И упав
на колени,
я слышал

их шёпот
что громче,
чем крик.

Прожилки бумаги кровят чернилами
с необычайной силою,
и каждая буква пропитана
мыслями вместе с тротилом:

«Привет,
прости,
ненаглядная,

горел огонь и рвал на части, да
рвался жаркий пыл,
теперь – прости:
мой чайник страсти
вдруг остыл.

Сенатора обрадуй, давно хотел он
дочуркин брак на сыне Благодетеля.

А я уйду. Куда не спрашивай,
это мир второй, иной от нашего.

Желаю тебе Весты огонь,
невесты кольцо,
лесть и поклоны,
трон и колонны,
влюблённость, как у Эвридики,
а не шоу вместо корриды».

УБЕЙ МЕНЯ ХОТЬ СКОЛЬКО

Ищут лечебницы, мигалки —
набор глухих согласных,
небо стало красным,
сигарета чёрной.

И мне в висок глядит звонок.

Что со мной?

Руки задрожали.
Закрывают спектакль.
Дали белый воротник,
сказали мне заткнись.
Я теперь не пронесу

в унисон,

теперь меня занесут

в колесо.

Меня с рубашкой обманули,
меня срубили в абажуре,
меня любили, обожали,
мои книги читали люди.

Теперь мои стихи запрещены.

И в трещины смотрю на тишину неба,
но каждый час в меня врезают

с ядом те шипы,

что шестерёнки мои

все забились,

помогли

сделать

это

власти шестерёнки.

Эти

пасти в кисти ломкие.

Это

кастинг в собачонки.

Части вставьте —

так меня

разрушили.

Теперь меня жгут током,

убей меня хоть сколько,

быстрее врежай жгут в щёки,

желтей стены тут боль и кровь,

НО

убей меня хоть сколько,

скорей страна запомнит,

теперь меня жгут током,

НО

скорей страна запомнит.

В прошлый раз

в колодце улиц

испуг

не смог

достать
до сути,
но сейчас обрежутся орудия.
Я растаю запахом сирени.
И в стене звуки сирены.
И как же не хотел я прежнего,
но сейчас увидел Брежнева.

Узнаю в стене черты лица.

МЕТАМОДЕРНИЗМ

Гранитовый закат.
Времени всплеск.
На первый взгляд – слепит так,
на второй – слепота.
Неоготика, Пиквикский клуб.
Кариатиды взглядов.
Великая Тартария.
Посланник Рима.
Посадник дикий.
Прощать не лихо.
Двенадцать колен.
Толстые стены.
По вечерам играл в нацбол,
пил чай из анкапа.
Перельман – гипотеза Пуанкаре.
Через гиперреальность
пробираюсь к симулякру.
Помоги мне выжить среди этой смертной любви.
Некрономикон.
Карлос Кастанеда – раскол – это недокаста.
Чёрный ворон,
ок.
Деревянные волосы.

Чем дальше погружаться в материю,
тем быстрее она исчезает.

РИСОВАЛ ТВОИ КОНТУРЫ САЖЕЙ НА СТЕНАХ

Рисовал твои контуры сажей на стенах,

меж

арок мелькал силуэт;

пузырьки, что вздувались на венах,

выплясывают

свой пируэт.

Наблюдая,

как полночь в холодном смятении тонет,

знакома

до боли мне.

И вечно голодным, беспечно спать
холодным – прямо как по зиме.

Далеко в глухом лесу среди высоких сосен,
меня так быстро смыло, как под потоком вёсел.

Огни со мной, и мы уснём,
я буду проливным дождём.

И чтобы быть с тобой,
я буду проливным дождём.

Звёзды бились и сверкали чешуёй,
и мы гуляли по магистрали скоростной;
планета нам шептала тишиной,

и нити прошлого танцевали хоровод.
Я построил с тобой карточный дом,
от него останется лишь металлолом.
На стенах сажей тоннами
я рисовал твои контуры.

НАД ГОРОДОМ ВСЕМИРНЫМ

Куда вы попали?

Это тёмная комната,

тут скомкано,

сомкнуто,

из моей паутины накрытой не выйти —

из моего омута.

Убиты все выйти попытки.

И всю неделю был для вас далёк, как восточный берег,
поверьте, уж что-что, но желание о вас точно берёг!

О, как же сложно

не стать сотым

в сотых,

сотканным из тока,

когда

исход приходит.

И не скрою,

уже многое полюбилось,

например, рядом со мной в четвёртой камере

билось сердце четырёхкамерное.

Наизусть запомнил я Бетховена,

хотел летать над гнёздышком,

теперь буду над городом всемирным!

Вау!

Да я теперь сродни объекта SCP.

О, спасибо, Общество, за спасение,
меня ждёт вавилонское столпотворение.

И впереди ещё

тернистый путь,

а позади уже

терновый куст,

и сейчас пока

в тени я пуст

для города. И говорю ему:

«Втяни мой дух».

ПАРУ ТАЙН ОТКРЫВАЮ

И каждый мой слог
из подковы рта говорит,
что, подкованный к жизни,
я не зря вобрал флюиды.

Сам иду
в зловещий Мордор,
замету
следы от страха;
и тот образ
мерзкой морды
ниткой собран
и размазан
по бумаге.

Пару тайн открываю —
и мир замер.
Представился бродягой, как Мик Джаггер.

Ворот рубахи
душит мне горло обхватом.
Жестокий, как Макиавелли,
шагал над городом
за целью;
шептал весь город,

свиристело

Общество:

«Только ты имеешь силу

отпустить

его в могилу».

Моя картина собрана, размазана:
я – такой же: собран и размазан
по бумаге.

Пару тайн открываю —
и мир замер.

Он выдохнул и сладко позабыл про сотни камер.

День за днём:
а я скиталец.

Смыли с Благодетеля багрянец,
ищут теперь Цареубийцу:

«От сотни камер вам не скрыться».

В потолке глазами выгравировал:

жить в углу

и никому не делать зла;
из Человека себя выкинул;

у Благодетеля

глаза – как зеркала.

КОНТРАСТ НА ТЕЛЕ

Милый друг,

тебя все ищут —

тебе больше не скрыться,
и лучший шаг затихнуть —

инсценировать самоубийство.

Вот тебе копия тела,
и думай,

будто ты на Дне себя,

посмотрев себе в глаза,
понял —

я на дне себя.

И надо написать предсмертное:

«Становится

золотой

мой золотом

блестящий взгляд,

шелестящий град на теле

для меня как будто яд;

слёзы окропляют душу,
этот вой не слышат мои уши.

Жаль,

ведь я хотел,

чтоб все смотрели,

как я рушусь.

Постепенно

всё в потёмках —

отстаёт от меня взор,

в тёмном склепе

прекратился

вечный разговор;

онемелых пальцев холод

переходит

постепенно

на всё тело,

сердце

добивает

ритм

надменный.

Контраст на моем теле:

кожа побелела,

губы потемнели —

контраст на моем теле».

УЗНИК

Я не существую теперь для города,
о моей смерти выходят новости.

На мне седин

в раз сто уж больше.

Кол вырастает. Я уже не нежный отрок.

Неужели я скучаю по комедии дель арте?

По коньячным встречам за бильярдом?

По месту, где закрывают концерны,

кошмарят поэтов, отменяют концерты?

Но, похоже,

без противостояния

с местом,

где прожит век скитания,

внутренний Наполеон

не отпускает.

Здесь,

где не затронут

стрелы

взглядов,

теперь я – безлюдья узник.

И запах крови густо

застрял в носу, и сон мой

уже давно как не со мной.

Разглагольствую для неба,
а для Общества стал бесполезен,

словно книга

по тайм-менеджменту, —

сейчас у них весь город в управлении,

а я задачу свою выполнил,

я выкинут

из города,

ведь, в отличие от Общества,

для людей я свой, а не чужой.

Решил я скрылся телом и нутром.

ТРЕЩИНА

Нашёл между мирами трещину,

когда пейотный запах

померещился;

от тела освобождаюсь скрежетом.

Теперь все мои вещи там,

где нет пространства,

но есть время,

за которое плачу временем на этой

мира стороне.

И резко

силы

сходят

с тела.

Выполняя все магические пассы

к стороне

причудливых созданий,

я уже не в состоянии

от иного мира отказаться.

Вау!

В этом мире вызываю слюни, будто я аперитив;

я пятнист

от бокалов брызг,

ваши нервы – инструмент,

и все хотят на бис.

И я тут —

сектор приз на барабане,
хоть мне мало платят
в этом вашем балагане,
мне не больно,
ведь тут морфий,

здравствуй, Балабанов.

Я здесь полетаю по деталям,
тут я полигамен и скандалю,

словно Жи-Жи Аллин.

В бар к вам залетаю в балаклаве,
убиваю тех, кто правит балом.

У Булгакова

спрошу про Сталина,

у Сталина

спрошу про Гитлера;

разговор с

Летовым за литром, а

следом Будду с добрым утром
поприветствую,

и перламутровые
ведьмы обвивают гулом ухо,
им я сладко, голым в пухе,
рассказал про игры языка,

и полны их пошлости глаза,
но есть проблема множественная —
жизнь моя скукоживается.

ТРИ АДА

Разрушение должно быть присно!
Миры сжимаются:

в ужасе

жмутся

звёзды,

и разлагаются кости,

растворились теургия,

общество тирании,

лимб,

и рай,

и ад,

и Бог, и Сатана.

Когда на шаг от истины,
миры сжимаются:

и каждый,

будто следующий,

а следующий,

как прежний.

И в сущности отсутствия,

разрушение в созвучии

и

в триединстве времени —

три пространства целые.

И во фрактале с искрами
миры сжимаются:

иссякли

и материя,

и дух,

и судьба,

и воля;

вмиг потухли

и содержание, и форма.

И три мира надломлены,

и всё,

что было и что есть.

И вот теперь —
небытие.